

ОСОБЕННОСТИ УКРАИНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Работа представлена кафедрой международных политических процессов СПбГУ.

Научный руководитель – доктор политических наук, профессор В. А. Ачкасов

В статье представлен сравнительный анализ политических трансформаций Украины и России. Политическая, социальная и экономическая трансформация государства в значительной мере обусловлена состоянием и поведением его политической элиты, а также (в кризисные моменты) сменой правящих элит. В тексте рассматриваются процессы территориальной и политико-экономической фрагментации украинского общества, которые привели к росту политической нестабильности и становлению «бесформенного плюрализма».

Ключевые слова: *модель «доминирующей власти», модель «бесформенного плюрализма», фрагментация элитной структуры, политическая нестабильность, демократическая трансформация, политический транзит.*

E. Tsyplakova

FEATURES OF THE UKRAINIAN AND RUSSIAN POLITICAL ELITE

The comparative analysis of political transformations in Ukraine and Russia is presented in the article. The political, social and economic transformation of a state is substantially caused by the condition and

behaviour of its political elite and also (during crisis moments) the change of the ruling elite. The processes of the territorial, political and economic fragmentation of the Ukrainian society, which have led to the growth of political instability and forming of the "shapeless pluralism", are considered.

Key words: „the dominating power“ model, „shapeless pluralism“ model, fragmentation of the elite structure, political instability, democratic transformation, political transit.

Украина, Россия и другие государства СНГ в течение ряда лет проводят модернизацию единой для всех них в прошлом советской политической системы. В свою очередь, политическая, социальная и экономическая трансформация государства в значительной мере обусловлена состоянием и поведением его политической элиты, а также (в кризисные моменты) сменой правящих элит. В данном смысле элита – часть новой общественно-политической системы, одновременно влияющая на процесс ее формирования и развития и сама зависящая от этого процесса. Политическая, социальная, экономическая демократизация общества и развитие элит – взаимосвязанные процессы. Поэтому при анализе трансформации политической элиты необходимо учитывать и институциональные макроизменения общества.

Эксперты, анализировавшие политические процессы в новых независимых государствах с момента распада СССР (в том числе в Украине и в России), были склонны относить эти страны к категории «гибридных режимов», которые не являются ни диктатурами, ни полноценными демократиями [2]. Согласно ежегодным обзорам Freedom House, в начале XXI в. Украина (как и Россия до 2004 г.) относится к «частично свободным» странам, не демонстрирующим ни существенного прогресса, ни упадка в отношении политических прав и гражданских свобод. Причины же трансформации некоторых гибридных режимов в направлении авторитаризма (например, российского) или крах гибридного режима в ходе «оранжевой революции» (случай Украины) во многом связаны с состоянием элиты и спецификой сложившегося «баланса сил» между элитными группами.

Проблема заключается в том, что гибридные режимы следует различать не только в сравнении с демократиями и диктатурами, но и между собой. Здесь стоит обратиться к

моделям «доминирующей власти» и «бесформенного плюрализма», введенным Томасом Карозерсом [6, с. 42–65].

По его мнению, для модели «доминирующей власти» необходимо наличие доминирующего актора, который был бы способен осуществлять свои цели без устойчивой кооперации с другими игроками; для «бесформенного плюрализма» характерна высокая фрагментация акторов, и, таким образом, никто из них не в состоянии занять доминирующую позицию [4, с. 37]. Примерами «доминирующей власти» можно назвать Азербайджан, Белоруссию, Казахстан, а также Россию после 2000 г. Украине же на протяжении всего постсоветского периода был присущ режим «бесформенного плюрализма».

Становление «бесформенного плюрализма» в постсоветской Украине (как и в ряде других стран) вряд ли можно назвать результатом сознательного выбора политиков. Скорее этот режим возник лишь в силу своеобразной конфигурации украинских элит, препятствовавшей «захвату» доминирующей позиции. Несмотря на то что уровень сменяемости элит по сравнению с советским периодом в 1990-е гг. был довольно невысоким [10, с. 87–94], различные сегменты украинских элит оказались, с одной стороны, автономны по отношению друг к другу, с другой – не способны к устойчивой кооперации.

Элитную структуру Украины следует называть *фрагментированной*. Можно выделить несколько причин этого явления, которые, в свою очередь, привели к становлению украинского «бесформенного плюрализма».

1. Территориальная фрагментация. Основанием ее является регионализм. Говоря об украинском регионализме, нужно учитывать не только исторически сложившееся противопоставление запада и востока Украины (т. е. различие массовых ориентаций в отношении поддержки или отторжения институтов демо-

кратии и рыночных реформ), но также идентичность и ценностные ориентации населения украинских регионов, их политико-экономические структуры. Если в России воздействие географического фактора на голосование в 2000-х гг. носило весьма ограниченный характер, то в Украине его влияние усиливалось по мере «десоветизации» страны. При этом необходимо понимать, что запад и восток Украины не представляют собой монолитные блоки. Некоторые аналитики выделяют как минимум четыре территориальные зоны – запад, центр (регионы в Подолье, находившиеся под влиянием Киева), юг (регионы от Днепропетровска до Одессы) и собственно восток как таковой (Донецкая и Луганская области). Причем восток и запад Украины представляли собой политические «полюса» Украины, в то время как борьба на всех без исключения выборах шла по преимуществу за центр [5, с. 16].

Д. Фурман рассматривает запад Украины в качестве политического центра страны, зоны ее политических инноваций, в то время как востоку отводится место периферии. И если в России распространению политических инноваций в постсоветский период был присущ иерархический порядок (от мегаполисов через крупные центры к средним и малым городам), то в Украине «волны» реформ прокатывались по стране с запада на восток. При этом несовпадение политического, административного и экономического центров Украины, которое было обусловлено наследием советской эпохи, добавлялось к определенному равновесию сил между центром и периферией, отличавшим Украину 1990-х гг. от ее ближайших соседей – Белоруссии и России.

2. Политико-экономическая фрагментация. Во времена коммунистического режима советской элите были присущи «ведомственность» и «местничество», но при этом она оставалась монолитной. Распад СССР вернул структуру элит постсоветских государств к ранее сформированным элитным сетям. «Местничество» вело к формированию разделенной элиты, тем самым подрывая основы интеграции элит. Но если дифференциация элит была достаточно высока, то возникала фрагментированная элита. И напротив, эффек-

ты «ведомственности» укрепляли интеграцию элит за счет снижения дифференциации, а отсутствие того и другого стимулировало атомизацию элит (Белоруссия) [3, с. 88–89].

Фрагментация повлияла и на политико-экономическую структуру постсоветской Украины. Деятельность ее «олигархов» оказалась менее масштабной, чем в России с ее крупными вертикально интегрированными финансово-промышленными группами. В годы советской власти регионы Украины представляли собой территориально-производственные комплексы. Ими управляли местные элиты по принципу либо *местничества* (горизонтально интегрированные локальные кланы), либо *ведомственности* (вертикально интегрированные филиалы отраслевых ведомств). Усилению влияния региональных «кланов» послужил поток областных кадров в киевское руководство, следствием чего стало образование нескольких конкурирующих регионально-отраслевых финансово-промышленных «кланов» (днепропетровский, киевский, донецкий и др.) [1, с. 56–66].

Еще одной характерной чертой местных элит в Украине являлась довольно глубокая ее *укорененность*. Благодаря невысокой межрегиональной ротации руководителей создававшиеся десятилетиями социальные сети местных элит оказались сплоченными и устойчивыми. С распадом СССР бывшие союзные ведомства прекратили свое существование, а общенациональные, вертикально интегрированные финансово-хозяйственные группы, такие как российский «Газпром» или «Лукойл», в Украине сложиться попросту не смогли. Не имея таких ресурсов, как нефть и газ, в Украине механизмы консолидации собственности и власти в руках одной или нескольких групп на уровне страны в целом создать не удалось. В России же региональные элиты не имели возможности претендовать на первые роли в общенациональной политике. В то же время украинские региональные кланы активно участвовали в политической борьбе как на уровне отдельно взятых регионов, так и страны в целом, создавая или спонсируя политические структуры, включая партии и СМИ.

Россию же можно было назвать примером предельного случая «местничества» с большим количеством относительно сильных региональных элит. Правда, ни одна из них не была способна самостоятельно влиять на общенациональную политику государства, а формированию устойчивых межрегиональных коалиций препятствовали неразрешимые проблемы коллективного действия. В итоге в ходе ряда предпринятых мер В. Путину удалось восстановить единство элит и осуществить институциональные изменения, ослаблявшие всех акторов, кроме доминирующего. Доминирующий актер сумел сосредоточить в своих руках довольно большой объем ресурсов и предпринять ряд действий, направленных против различных сегментов элит. «Единая Россия» в ходе очередных парламентских выборов получила свыше двух третей мест в Государственной думе. Причиной ее победы на выборах всех уровней стала не столько популярность В. Путина, сколько несправедливое проведение избирательной кампании. И если подобная практика в Украине вызвала огромный протест, то в нашей стране выборы прошли довольно спокойно. Усугубили положение «вымирающей» оппозиции и повышение заградительного барьера для партий до 7%, и назначения по представлению президента страны глав региональной исполнительной власти, а также принятие закона об усилении госконтроля над общественными организациями. В качестве инструмента достижения единства элит, правящей группой была использована доминирующая партия [3, с. 103].

Таким образом, в Украине можно было проследить два проявления политического конфликта: культурно-исторического раскола вдоль линии запад – восток (= центр – периферия) и политико-экономические расхождения между региональными кланами. Также сыграло свою роль и «советское наследие». В итоге при таких условиях в стране вряд ли мог возникнуть режим «доминирующей власти». Сложившийся конфликт элит сам по себе поддерживал режим «бесформенного плюрализма». Это снижало угрозу авторитарной деградации политического режима в Украине.

В 2004 г. в Украине была предпринята попытка разрешить существующий конфликт элит в одностороннем порядке, в результате это привело к «оранжевой революции». События, развернувшиеся на Майдане в 2004 г., результатом которых оказался приход к власти «оранжевой коалиции», заставили убедиться в разнонаправленности политической эволюции двух стран. С этого момента политическое развитие Украины стало противопоставляться российскому. Украина на протяжении всего постсоветского периода (и тем более с осени 2005 г. – отставка Ю. Тимошенко) демонстрировала *высокую неопределенность политического режима*, низкую эффективность основных политических институтов, а также неустойчивость линии модернизации страны. Эти тенденции прослеживаются и сегодня. Затянувшаяся неопределенность усилила слабость украинского государства. Причиной же этому послужила высокая фрагментация политической элиты. России же, как показали президентские выборы марта 2008 г., присущ режим «доминирующей власти».

Попытки выхода из неопределенности неоднократно предпринимались различными сегментами украинских элит. Но все они носили характер временных «пактов о ненападении», направленных на сохранение статус-кво. Подобные соглашения элит присущи многим постсоветским странам. Их задачей является снижение уровня неопределенности в результате перераспределения ресурсов между их участниками. Каждая из украинских элитных групп была достаточно сильна, чтобы не исчезнуть с политической арены под давлением конкурентов, но при этом и недостаточно сильна, чтобы их уничтожить.

В России после 2000 г. консолидация элит была обеспечена с помощью «навязанного консенсуса», т. е. принуждения со стороны доминирующего актора к принятию собственных «правил игры» всеми остальными сегментами элит [5, с. 24].

Подобная неопределенность в Украине могла длиться довольно долго, но президентские выборы 2004 г. обозначили главную проблему гибридных режимов – обеспечение преемственности власти. В случае если такие

режимы не намерены допускать к власти оппозицию, то остается, как полагает В. Гельман, только три варианта: персоналистское господство, однопартийное господство или военное господство (не характерно для постсоветских государств) [4, с. 41]. В Украине создание «партии власти» наподобие российской «Единой России» было невозможно. Хотя подобные попытки в украинской политике имели место, но по причине высокой фрагментации элит успехом они не увенчались.

Некоторые гибридные режимы решали подобную проблему преемственности путем ограничения сроков полномочий глав государств (постсоветские страны демонстрируют немало примеров такого решения вопроса). Но в случае с Украиной, где смена главы государства была неизбежной, фрагментированная элита оказалась неспособной предоставить такую кандидатуру преемника, которая могла бы удовлетворить все противоборствующие группировки и позволила бы избежать конкуренции.

Иными словами, в результате президентских выборов 2004 г. на смену крайней фрагментации пришла *биполярность*. В этом смысле украинская элита отражает стереотипы конца 1980 – начала 1990-х гг., действуя в большинстве своем в парадигме постъялтинского «биполярного» мира, где «добрый» полюс олицетворяют США (вместе с союзной Европой), а роль «злого» полюса играет Россия, как политическая правопреемница тоталитарной империи Советского Союза. Собственно, в рамках этой парадигмы и формулируются концепции развития Украины, программные положения внутренней и внешней стратегии страны [13, с. 41]. Украинские выборы 2004 г., вместо того чтобы стать механизмом передачи власти, повлекли за собой крах гибридного режима. В результате они привели не только к смене фигуры президента, как ожидалось, но и к изменению «правил игры», притом что ее участники остались прежними. «Бесформенный плюрализм» при этом никуда не исчез, лишь отступил на время выборов.

Так или иначе, политический курс Украины и дальнейшая направленность ее демократических преобразований будут зависеть от

эффективности сотрудничества украинских политиков и от того, будут ли политические институты Украины (или нет) способствовать преодолению «бесформенного плюрализма» украинских элит. Многие покажут и президентские выборы в 2009 г.

Если говорить о политических институтах, то они (как вновь созданные, так и унаследованные от прежнего политического режима) играют двоякую роль в процессе смены режимов. «Во-первых, они меняют характер распределения ресурсов между элитами, способствуя равенству сил либо одностороннему преобладанию. Во-вторых, от их эффективности зависит уровень неопределенности, а следовательно, и представления акторов об относительной цене стратегий» [3, с. 104].

Из объяснения В. Гельмана следует, что «сегментами» элит являются некие организованные группы в обществе, способные влиять на политически значимые решения. Конечно, необходимо учитывать и массовую политику, но, с другой стороны, массы способны влиять на политику в той степени, в какой им это позволяют делать элиты. Для того чтобы массы приобрели реальное политическое значение, они должны быть мобилизованы элитами (или контрэлитами). Следовательно, по словам Гельмана, «массы стоит рассматривать, вместе с их установками, ценностями, идентичностями и предпочтениями не как акторов как таковых, а как специфический вид доступных элитам ресурсов» [3, с. 104].

В процессе демократической трансформации акторы стремятся к максимизации своего контроля над доступными ресурсами. При этом лишь немногие из них руководствуются своими идеологическими установками, большинство же полагают, что демократия обеспечивает им больший контроль над ресурсами, нежели другой политический режим.

Важным является еще один фактор, оказывающий влияние на переходные общества, – *давление Запада*, которое осуществляется под лозунгом «глобальной демократической революции». Это давление испытывают и Россия и Украина, однако реакция на него политических элит двух стран далеко не одинакова. Если российская элита видит в дей-

ствиях Запада стремление ослабить Россию, то большая часть политической элиты Украины настроена на вступление в ЕС и НАТО, на тесное сотрудничество с США. В итоге на Украине давление западных стран способствует расколу элиты (что отчетливо продемонстрировала «оранжевая революция»), а в России, напротив, ее консолидации в рамках формирующегося централизованного патерналистского режима. И если Россия по ряду причин выбрала стратегию централизации и государственного патернализма, то Украина делает попытки двигаться в сторону расширения политического плюрализма. Проблема заключается в том, что нынешняя ситуация в международной политике и экономике не столь благоприятна для продвижения переходных обществ к плюрализму и демократии, а значит, перед Украиной и представителями ее политической элиты стоит ряд непростых задач в этом направлении. Что касается РФ, то ее «устойчивая» (по словам политической и финансовой элиты) стабильность на самом деле довольно уязвима. Как писали в своей статье исследователи В. В. Лапкин и В. И. Пантин, «в самом ближайшем будущем российская политическая система может столкнуться с чрезвычайно жесткими внешними и внутренними вызовами, к которым она не готова и на которые вряд ли будет в состоянии адекватно ответить. Российская политическая элита, поверившая в неиссякаемость потока „нефтедолларов“ и прочность основанного на нем экономического „процветания“, в очередной раз демонстрирует свою политическую незрелость, по-прежнему ориентируясь (несмотря на печальный опыт СССР) на авторитарно-патерналистские методы» [8, с. 118].

Украина представляет собой значимый геополитический интерес для США и НАТО. Поэтому они и возлагают свои надежды на определенных представителей украинской политической элиты, подкрепляя их деятельность финансовыми потоками. Вот, что говорит М. Макфол, профессор политологии в Стенфордском университете и сотрудник Фонда Карнеги за международный мир: «Та помощь, которую США оказывали Украине, – это модель Демократической партии. Мы развивали

гражданское общество, запускали программы обмена студентами, специалистами, занимались поддержкой СМИ... Тимошенко сыграла огромную роль во время революции. Ее можно назвать „двигателем революции“. В это время были нужны смелые, решительные люди, и она выполнила отведенную ей США роль...» [9].

Украине отведена роль «политического посредника» между Россией и Западом. И выполнение подобной миссии было предоставлено такому харизматическому лидеру, как Юлия Тимошенко, т. е. такой политической силе, которая способна приобрести общенациональный характер. При этом анализ международной деятельности Ю. Тимошенко и высказываний ключевых представителей ее именного блока, отвечающих за выработку внешнеполитической стратегии БЮТ, подтверждают эту тенденцию.

Пользуясь противоречиями в президентской команде, Юлия Тимошенко наращивала рейтинг и укрепляла свои позиции. Новый премьер уверенно укрепляла свою власть и активно популяризировала свою деятельность. Сегодня она полностью взяла инициативу в свои руки. В результате Кабинет министров стал самым влиятельным центром власти в 2007 г., чего никогда не было в независимой Украине. Хотя нужно отметить, что программа правительства Тимошенко является своеобразным аналогом документа времен премьерства Виктора Ющенко, который назывался «Реформы ради благосостояния». Цель ее – всемерное повышение рейтинга премьера и создание организационных предпосылок для старта президентской кампании. Также у «Украинского прорыва» есть еще одно задание – перевербовка сторонников Ющенко и усиление раскола между секретариатом президента и фракцией «Наша Украина – Народная Самооборона» (НУНС). Таким образом, давая возможность реализовать свои личные и профессиональные амбиции, она готовит из министров по квоте НУНС своих будущих соратников по президентской кампании.

Конституционная революция 2004 г., провозгласившая переход к парламентско-президентской республике, зафиксировала

стратегический выбор общества и элиты в пользу плюралистической, полицентричной системы управления, при которой общественный консенсус определяется не доверием граждан к единому лицу или узкой группе лиц, принимающих все ключевые решения, а уравниванием интересов нескольких мощных групп влияния, за которыми стоят определенные страны и регионы.

В то же время победа Ю. Тимошенко вряд ли может привести к концентрации власти в правительстве. Премьер прекрасно понимает, что в украинских реалиях самым сильным центром должен оставаться институт президентства. Поэтому она так активно помогала вернуть отобранные у главы государства полномочия и даже расширить их, параллельно лишая Ющенко соратников и инициативы. Это значит, что до следующих президентских выборов полноценного упорядочивания системы не произойдет. Однако любому кандидату на этот пост предстоит понять: его успех будет зависеть от способности убедить общество и элиту, что именно он обеспечит реставрацию сильного государства [11].

Большинство российских комментаторов, связанных с оценкой победы БЮТ на выборах-2007, делали акцент на рисках пересмотра существовавших газовых соглашениях и газового кризиса. Но при этом необходимо учитывать, что победа БЮТ являлась результатом поддержки со стороны США и части Европы (саммит ЕС – Украина в сентябре 2007 г.), которые рассматривают Украину прежде всего в качестве геополитического плацдарма против России. Существует и такая точка зрения, что на Украину возложена геополитическая миссия, в основу которой заложен тезис о несовместимости одновременного существования Украины и России в Европе. Поэтому Украине отводится роль катализатора, который должен способствовать демонтажу нынешней России и постсоветского пространства, и тормоза интеграционных проектов, связанных с Россией. Принимая во внимание, что США в течение последних лет последовательно трансформируют ГУАМ, создавая очаги напряженности (Грузия), глобальное партнерство Украины с альянсом неминуемо обретет ха-

рактер военно-политического противостояния с Россией в Балто-Черноморско-Каспийском пространстве. Намерениям Запада способствует региональная разрозненность Украины. Напряженность и проблемы в российско-украинских отношениях синхронно разрастаются с увеличением общенациональной популярности БЮТ и его лидера. При этом со стороны США была развернута отвлекающая программа вокруг американской ПРО в Европе. Это отводит внимание от более опасной темы для России – будущего Украины, связанного с изменениями духовной и идеологической направленности украинского населения. Не случайны запреты на русский язык и пропаганда русофобии в качестве общенациональной идеи. Идеологическое влияние, которое оказывают США, на ключевые политические силы, традиционно представлявшие восток и юг Украины, а также политическая вялость «Нашей Украины» во главе с Ющенко, не говоря уже о других политических партиях, создают условия для Тимошенко усилить свои позиции в краткосрочной перспективе и взять на себя роль общенационального менеджера по выполнению этой геополитической миссии. В этой связи следует ожидать, что основной акцент внешнеполитической стратегии БЮТ будет сделан не столько на реальные внешнеполитические победы в борьбе с Россией, сколько на соответственно подготовленную реакцию населения Украины и формирование «образа врага» [7].

Как пишет «Эксперт. Украина», «фактическое игнорирование ситуации в Украине со стороны России ошибочно. Самое важное заключается в том, что ни в долгосрочной стратегии, ни в текущей внешней политике России уже нет Украины. Есть 32 млрд долларов годового товарооборота, есть проблема транзитов. А политики нет. Как бы то ни было, говорить пока не о чем – разве что о ценах на газ» [12].

Политические трансформации в России и Украине наглядно демонстрируют всю сложность развития постсоветских обществ, исследования которых выходят за рамки концепций «политического транзита». Эти страны, решая весьма схожие задачи освоения

механизмов институциональной демократии, в которой главенствующую роль играют политические элиты, продвигаются разными путями. И опыт, обретаемый на этих путях, очень важен для становления современной политики как в Украине, так и в России. Принимая во внимание исторический опыт постсоветских стран и события «оранжевой революции», можно сказать, что подобные действия не способствуют возникновению новой политической элиты и в малой степени влияют на отношение существующих элитных группировок к собственному народу. Путь, на который встала Украина в 2004 г., схож с путем стран Восточной Европы 15 лет назад. Перед политической элитой России и Украины стоит множество задач и проблем, связанных как с успешным переходом к демократии, так

и с модернизацией и адаптацией внедренных в 1990-е гг. западных институтов к условиям соответствующих стран. К сожалению, эффективные варианты решения этих проблем пока не найдены.

Так или иначе, успехи либо неудачи демократических преобразований в Украине и судьба политического курса страны во многом будут зависеть от политической элиты, точнее, от ее способности к эффективному взаимодействию и от того, будут ли политические институты Украины способствовать или препятствовать преодолению «бесформенного плюрализма» украинских элит. В связи с этим можно предположить неизбежность дальнейших радикальных трансформаций и реформ, а также довольно резкие повороты в политическом развитии Украины и России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов А., Гужва И. Дети газа и стали // Эксперт. 2004. № 38.
2. Банс. В. Элементы неопределенности в переходный период // Полис. 1993. № 1.
3. Гельман В. Я. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Полис. 2007 № 2.
4. Гельман В. Я. Уроки украинского // Полис. 2005. № 1.
5. Гельман В. Я. Украина: фрагментированное пространство // СССР после распада / под общ. ред. О. Л. Маргания. СПб.: Экономическая школа. 2007. 480 с.
6. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2.
7. Круглов. Н. Внешнеполитическая стратегия БЮТ // Украина: информационно-аналитический мониторинг. 2007. № 2.
8. Лапкин В. В. Пантин В. И. Политические трансформации в России и на Украине в 2004–2006 гг.: причины и возможные последствия // Полис. 2007. № 1.
9. Макфол М. Революционная ситуация на Украине: стенограмма интервью на «PBS»: Майкл Макфол – Джонатан Миллер // Украинская Правда. 2005. 22 ноября.
10. Фесенко В. Политическая элита Украины: противоречия формирования и развития // Полис. 1995. № 6.
11. Эксперт. Украина. 2008. 21 января. № 3(148).
12. Эксперт. Украина. 2008. 11 февраля. № 6 (151).
13. Яхно О. Великий российский разрыв. Украина: информационно-аналитический мониторинг. 2007. № 1.